

пророческое содержание и т. д. Существует и такой точному анализу не поддающийся критерий, как приятность имени. Человек способен составить свою шкалу приятности, но не в состоянии обосновать ее. Здесь определенную роль играет и социальный вкус, который составляют мода на имена и другие факторы. мода — фактор весьма коварный. Часто поиски особой оригинальности приводят к имени, расположение к которому имеет тенденцию к повышению.

Система личных имен представляет собой не только массу имен с определенными языковыми признаками. Это весьма сложная сеть отношений, обладающая объединяющими чертами и различиями. Она содержит разнообразную информацию об именах: мужчина — женщина, новое — старое, модное — старомодное, национальное — чужое и т. д. Следовательно, в системе скрыты причины изменений — самые разные и в их сложном переплетении.

Одна из интереснейших глав — седьмая. Она описывает смену имен и стилей именования. Здесь же приводятся количественные данные. Когда вошли в употребление христианские имена, количество используемых имен долгое время сохранялось довольно небольшим (в Дании и Норвегии — 100, в Финляндии — еще меньше). Сейчас в Финляндии зарегистрировано 34000 различных имен (в Швеции — 80000). Исследовательский корпус состоит из 10700000 употреблений, 5411000 носителей имени (многие имеют по 2 и некоторые по 3); женских имен — 20000,

мужских — 14000. В этой массе имен единжды употребленные составляют 20000 (57%), носители их — 0,4% населения. 10% имен принадлежит 99% носителей. Следует отметить, что в финской системе имен отсутствуют четкие признаки, различающие пол носителя. Встречается 119 таких имен, которые принадлежат как мужчинам, так и женщинам по меньшей мере в 10 случаях.

Далее следует снабженный таблицами и графиками детальный анализ изменений в использовании имен, употребление модных имен, имен-рекордистов в разрезе десятилетий. (В меньшей мере вопросы моды на имена рассматривались и на эстонском материале: E. Rajandi, M. Tarand, Meie praegune nimemaitse. — КК 1967, с. 528—536 (сравнивается употребление имен в 1963 и 1965 годах); ср. также E. Rajandi, Nimevähesusest XVIII sajandi esimesel poolel. — КК 1963, с. 177—178; его же, Kaks praegust eelisnime. — КК 1963, с. 109—110).

Весьма содержательную книгу завершают упомянутые списки имен, текст Закона об имени Финляндской республики, индекс употребленных автором терминов и индекс использованного в первых семи главах материала.

Профессор Ээро Кивиниemi до сих пор был известен, как плодотворный и зоркий исследователь топонимов. Теперь его можно поздравить с весьма удавшимся отклонением от главной темы!

ВАЛДЕК ПАЛЛЬ (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1983.4.11>

З. В. Учаев, Марий йылме, Йошкар-Ола, Марий книга издательство, 1982. 184 с.

Марийское книжное издательство выпустило в свет новую книгу в помощь учителям марийских школ. Как указано на титульном листе, она является учебным пособием для проведения факультативных занятий по марийскому языку. Автором этого пособия является доцент кафедры марийской филологии Марийского государственного университета Зиновий Васильевич Учаев. Материалом для написания рецензируемой работы послужили его многолетние исследования по морфологии

современного марийского литературного языка и апробация их при чтении курса лекций.

Таким образом, рецензируемая книга, хотя и называется учебным пособием и материал в ней расположен соответственно, является по сути дела новым исследованием по морфологии современного марийского литературного языка. Она, представляя собой первую часть большого труда, охватывает лишь четыре части речи: существительное, прилагательное, числи-

тельное и местоимение. В начале книги дан раздел по общим теоретическим вопросам морфологии марийского языка.

К сожалению, из методических, видимо, соображений автор не выявляет своего отношения к исследованиям его предшественников, но по всем вопросам морфологии современного марийского литературного языка высказывает свое принципиальное мнение.

В предисловии рассматриваемого пособия автор пишет, что со времени выхода в свет книги «Современный марийский язык. Морфология» прошло немало лет (книга издана в 1961 г.). За это время марийская лингвистика далеко шагнула вперед. В качестве примера он приводит систему марийских падежей, которая в последнее время нашла более глубокое и полное освещение. В вузах Марийской республики (в пединституте и университете) изучается новая, более полная система марийских падежей, включающая по сравнению с 1961 годом дополнительно падежи с суффиксами *-ла* и *-ге* (с. 4). Действительно, большинство марийских лингвистов признало указанные два падежа: сравнительный на *-ла* и совместный на *-ге* и, надо сказать, справедливо. В этом есть и заслуга З. В. Учаева (см. с. 51—55).

Система марийских падежей до сих пор, на наш взгляд, окончательно не изучена и вопрос о количестве падежей в современном марийском языке остается до конца невыясненным. Но надо справедливости ради сказать, что благодаря стараниям З. В. Учаева и Г. М. Тужарова в этом вопросе многое уже прояснилось. Слабая изученность проблемы приводила авторов грамматик по марийскому языку к поразительно различным точкам зрения. Количество падежей в марийском языке у разных авторов колебалось от 4 до 16. Так, автор «Пособия к изучению черемисского языка на луговом наречии» (Казань 1887) Ф. Васильев признавал только 4 субъектно-объектных падежа: именительный, родительный, дательный, винительный. Венгерский ученый Эден Беке (Cseremisiz nyelvtan, Budapest 1911) отметил уже 9 падежей: номинатив, генитив, аккузатив, латив, иллатив, инессив, аллатив, аблатив, элатив. А финский ученый Ю. Вихманн в грамматическом очерке, помещенном в сборнике марийских текстов (Tscheremissische Texte mit Wörterverzeichnis und

grammatikalischem Abriss, Helsinki 1923), привел 13 падежей: номинатив, аккузатив, генитив, латив, модалис, аллатив, аблатив, инессив, иллатив, элатив, инструктив, комитатив, каритив. Правда, последний (каритив на *-те*) он указал только для горного наречия (с. 114).

Система падежей, приведенная Ю. Вихманном, до сих пор многими зарубежными учеными признается верной. Нам кажется, она заслуживает пристального внимания и глубокого исследования на современном языковом материале в разрезе как марийских диалектов, так и литературного языка. Отмеченные Ю. Вихманном модалис и комитатив являются теми самыми падежами, о которых столь много спорят сейчас марийские лингвисты: модалис — сравнительный на *-ла*, комитатив — совместный на *-ге* (с. 114 и далее). Идея наличия в марийском языке сравнительного и совместного падежей не нова. Совместный падеж был отмечен еще в 1922 году Эрнстом Леви (Tscheremissische Grammatik, Leipzig 1922). Таким образом, 60 лет тому назад сравнительный и совместный падежи признавались в марийском языке. Однако до последнего времени никто не анализировал эту проблему на обширном материале современного марийского литературного языка и не доказал наличие в литературном марийском языке указанных падежей. Это сделали З. В. Учаев и Г. М. Тужаров. Правда, до них в марийском языкознании в число живых падежей включал П. Ярускин (Грамматика горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола 1933), но у него не было специального исследования по этому вопросу, хотя вслед за Ю. Вихманном он занимал весьма верную позицию, если исключить из его системы послеложные падежи.

Основа же для той системы марийских падежей, которая указана в книге «Современный марийский язык. Морфология» (Йошкар-Ола 1961), была заложена с легкой руки В. М. Васильева еще в 1918 году в его «Записках по грамматике языка народа мари» (Казань 1918). В ней он впервые привел следующие падежи: именительный, родительный, дательный, винительный, местный, обстоятельственный, входный и падеж с послелогами. В дальнейшем эта система больших изменений не претерпевала. В 1927 году

В. А. Мухин в своем учебнике марийского языка для русских исключил из системы В. М. Васильева падеж с послелогоми. Затем в 1934 году этот падеж Г. Г. Кармазиным был восстановлен и просуществовал до 1953 года, когда по предложению Н. Т. Пенгитова была восстановлена система падежей В. А. Мухина, как наиболее правильная, ибо послеложные конструкции действительно никак не могут быть отнесены к падежам. Однако Н. Т. Пенгитов, восстанавливая систему падежей, предложенную В. А. Мухиным, к сожалению, не учел исследование Ю. Вихманна и не включил в современную систему марийских падежей сравнительный и совместный падежи, считая слова с соответствующими суффиксами наречиями.

З. В. Учаев в марийском склонении выделяет три разновидности: 1) склонение неодушевленных имен существительных, которые имеют формы всех падежей; 2) склонение одушевленных имен существительных, редко принимающих формы пространственно-местных падежей; 3) склонение сложных имен существительных, вторым компонентом которых являются слова *ймбал* 'верх' и *йымал* 'низ'; к ним относятся как нарицательные (*йустембал* 'стол', *олымбал* 'скамейка'), так и собственные существительные (*Энерымбал*, *Шйргыйымал*).

Существительные последнего типа в местном, направительном и обстоятельном падежах имеют другие падежные суффиксы: *-не* (*-нѳ*), *-ке* (*-кѳ*), *-ан*, кроме того, у них есть дополнительная форма отложительного падежа *-ч* (*-чын*): *олымбалне* 'на скамейке', *олымбаке* 'на скамейку', *олымбалан* 'на скамейке', *олымбач* 'со скамейки'. Совершенно справедливо З. В. Учаев замечает, что относить их в разряд наречий нельзя, ибо они называют конкретный предмет, имеют, как и другие существительные, формы субъектно-объектных падежей' (*олымбалын* 'скамейки', *олымбалым* 'скамейку', *олымбаллан* 'скамейке'), сочетаются с послелогоми (с. 50—51). Таким образом, падежные суффиксы *-не*, *-ке*, *-ч* (< **ч*), *-н* и в современном марийском языке не утратили свои основные функции старых финно-угорских суффиксов и сохраняются в определенной группе существительных.

З. В. Учаев очень верно и четко отличает значения падежей от их употребления

и синтаксических функций, чего не было сделано в книге «Современный марийский язык». Впервые на обширном материале подробно и обстоятельно раскрыты значения марийских падежей. В этот вопрос З. В. Учаев внес ясность.

Правильно, на наш взгляд, значение неполноты качества суффикса *-рак* З. В. Учаев рассматривает в разделе об оценке качества без сравнения (с. 115). Это важно с методической точки зрения для учителей средних школ. Весьма верно и то, что он выделяет среди местоимений марийского языка разряд взаимных местоимений. В этом разряде только одно местоимение *икте-весе* 'один-другой', но и это не осталось вне поля зрения З. В. Учаева.

Необходимо отметить, что рецензируемая книга внесла немало нового и положительного в марийское языкознание, отчасти и в финно-угорское в целом, хотя она представляет только первую часть большого труда.

Есть в книге, как нам кажется, ряд спорных и иногда даже ошибочных моментов. Их немного, но они заслуживают внимания.

Так, на с. 10 автор говорит о значении винительного падежа и отмечает, что винительный падеж в марийском языке может выражать результат действия (*пѳртым ышташ* 'строить дом'). С этим согласиться никак нельзя, ибо действие и его результат связаны всегда с глаголом, а не с именем. Поэтому выражение результата действия — это категория глагольная. В примере *пѳртым ышташ* букв. 'делать дом' существительное *пѳртым* в форме винительного падежа является не чем иным, как прямым объектом действия. Автор, видимо, своим выражением *действийын результатшым* 'результат действия' хотел показать, что прямой объект может быть конечным результатом какого-либо действия. На с. 68 он пишет иначе: *действийын результатше лийше але лийшаш объектым* 'объект как настоящий или будущий результат действия'. В первом случае, надо полагать, ошибка вкралась по недосмотру.

Очень подробно и обстоятельно рассмотрены З. В. Учаевым значения суффиксов множественности *-влак*, *-шамыч*, *-мыт*, *-ла*. Раскрыт ряд новых, ранее не отмеченных значений. Например, выражение групповой множественности при присоеди-

нении суффикса *-влак* к собственным именам: *Зверев-влак* 'Зверевы' (с. 35). Но, нам кажется, нет необходимости относить притяжательный суффикс 3-го лица множественного числа *-шт(-ышт)* к показателям множественности. Об этом достаточно сказать в примечании или в разделе о притяжательных суффиксах. В противном случае все случаи употребления притяжательных суффиксов в притяжательном значении придется выделить в особые омонимичные формы. Это касается и притяжательного суффикса 2-го лица единственного числа *-ет* (*йолташет только вет* 'товарищ-то пришел ведь') и притяжательного суффикса 3-го лица единственного числа (*аваже!* 'мать' в звательном значении).

На с. 31 автор пишет, что перед существительным в качестве определения иногда может выступать и наречие. Он приводит пример: *Кйкшын-кйкшын пушеңге-влак тарваныде шогат*, явно неудачный, ибо здесь наречие *кйкшын-кйкшын* 'высоко-высоко' никак не определяет существительное *пушеңге-влак* 'деревья', оно отделено лишь от своего глагола *шогат* 'стоят' ради усиления выразительности, стилистической окрашенности повествования. Наречие выражает в данном случае не признак предмета, а признак действия. Иное дело в таком примере: *йёршың йоча* 'совсем дитя' — наречие действительно выражает признак предмета.

На с. 92 автор приводит суффиксы субъективной оценки существительных, среди которых оказался и вокативный *-й* (*авай* 'мама', *ачай* 'папа'). Очевидно, было бы вернее в таком учебном пособии выделить его в особый раздел.

На наш взгляд, вряд ли можно отнести *ёрдыж* 'бок, сторона' в разряд прилагательных (см. с. 119). В данном случае мы имеем дело с возможностью существительного в марийском языке, как и в других финно-угорских, в позиции к другому существительному выполнять роль прилагательного, т. е. быть определением, ср. *пу пёрт* 'деревянный дом', букв. 'дерево дом', *ёрдыж ең* 'посторонний человек', букв. 'сторона человек'.

Нельзя согласиться с определением имени числительного как части речи, данным З. В. Учаевым: *Чот мут* — *отвлеченный числам, цифран количеством алашотлымо годым предметын радамжым он-*

чыктышо ойлымаш ужаш (с. 140) 'Имя числительное — часть речи, обозначающая отвлеченное число, цифровое количество или порядок предмета по счету'. Вместо традиционного «количество предметов» З. В. Учаев употребил «цифровое количество» и, как нам кажется, неудачно: здесь он вошел в конфликт с логикой и смешал знак и обозначаемое этим знаком. Цифра, как известно, — это знак, обозначающий число, а не само число. Имя числительное — это лексико-грамматический разряд слов, служащих названиями отвлеченных чисел, определенного количества предметов или порядка предметов по счету. Исходя из знаковой теории языка, мы и имена числительные должны отнести к знакам, ибо каждое слово в конечном счете — это знак. Поэтому цифра, будучи сама знаком, никак не может быть количеством и стать частью речи в самом прямом смысле этого слова. И говорить о цифровом количестве, нам кажется, будет неверно, так как реальное количество не зависит от цифры-знака.

Неудачен термин *иктешыше чот мут* (с. 151) вместо традиционного *совместный чот мут* 'совместные числительные', так как термин *иктешыше мут* употребляется в синтаксисе для обозначения обобщающих слов. Автору следовало бы еще поразмыслить над термином для указанных числительных. Возможно, лучше назвать их собирательными? Нам кажется, совершенно незаслуженно в разряд совместных числительных попали инструктивные наречия с суффиксом *-ын*: *коктын* 'двое, вдвоем', *кумытын* 'трое, втроем', ср. фин. *kahden* 'вдвоем, попарно'.

На с. 25 в качестве примера перехода существительного в наречие автор привел *мёргё* 'домой', но не вывел его из былой формы 'латива на *-ке* от основы *мёрн-*, а сравнил с *шочмо мёргё* 'родной дом'. Здесь слово *мёргё* 'дом' само из наречий перешло в разряд существительных. Это уже вторичный переход из одной части речи в другую.

Несколько слов о частях речи в марийском языке. На с. 24 З. В. Учаев приводит схему деления слов на части речи, которые делит традиционно на знаменательные и служебные. Особо отмечает он междометия и подражательные слова, не включая их ни в число знаменательных, ни в число служебных частей речи, в то время как категорически недифференцирован-

ные слова отнесены к знаменательным частям речи.

Категориально недифференцированные слова нельзя включать, как мы глубоко убеждены, в определенный разряд частей речи, ибо они колеблются между разными частями речи (наречием, прилагательным, существительным). Не все слова в языке являются частями речи, некоторые до сих пор не определили свою принадлежность к той или иной части речи. Поэтому первый раздел схемы деления

слов на части речи должен начинаться е разделом «части речи — ойлымаш ужаш-влак», а разделом «категории слов — мут-влак».

Все эти погрешности легко устранить. И нам думается, что автор при издании второй части своей работы внесет соответствующие поправки. В целом, нужно признать, что книга написана на уровне последних достижений науки о языке и является немалым вкладом в марийское языкознание.

И. С. ГАЛКИН (Йошкар-Ола)

А. И. Туркин, Краткий коми топонимический словарь, Сыктывкар, Коми книжное издательство, 1981. 112 с.

Составитель рецензируемого словаря А. И. Туркин в течение многих лет исследует топонимию коми языка. Им проведен ряд экспедиций, собрана и в какой-то степени интерпретирована топонимия бассейнов всех крупных рек Коми АССР: Вычегды, Вымы, Сысолы, Вашки, Мезени, Лузы, Летки, Ижмы, Печоры. Накопленный материал получил теоретическое обобщение в кандидатской диссертации «Топонимия нижней Вычегды» (1971), а также в научно-популярной книге «Кöні тэ олан?» (Сыктывкар 1977), в статьях, выступлениях на конференциях и международных конгрессах финно-угроведов. Таким образом, рецензируемая работа представляет собой некоторый итог многолетних изысканий автора в области топонимии коми языка.

Словарю предпослано обширное предисловие, в котором дается краткая характеристика использованных источников, анализируются типичные ошибки предшественников, прослеживаются топонимические контакты на территории Коми АССР, показана историческая обусловленность различных этнолингвистических компонентов в коми топонимии.

Собственно словарь включает около 250 названий. Заглавным топонимом в каждой словарной статье является официальное русское наименование объекта. К нему приводятся фонетические варианты. В скобках указывается местное коми произношение. Затем объект получает

развернутую характеристику: приводятся известные автору исторические варианты названий, оцениваются существующие этимологии и топонимические мифы. В конце дается точка зрения автора на происхождение топонима. Таким образом, читатель получает полное представление о данном географическом названии.

При этимологизировании топонимов предпочтение отдается полевым материалам. Используются также письменные источники: отчеты путешественников и ученых XVIII—XIX вв., списки населенных мест разных лет, географические справочники и словари, различные карты и описания, исторические документы (летописи, жалованные грамоты, писцовые книги, исторические акты, материалы генеральных межеваний), архивные изыскания автора. Привлекаются и данные смежных наук — истории, географии, этнографии, фольклора. Словарь во многом восполняет отсутствие письменных памятников, на которых основывается филологическая (лингвистическая) реконструкция. Он включает в себя многочисленные топонимические явления, помогающие осветить различные стороны истории и языка народа коми.

Топонимия Коми АССР, как и любой другой территории, обжитой с древних времен, представляет собой творчество ряда эпох и многих поколений. Это заставляет автора объяснять местные названия с учетом истории языка-источ-